

Цзян Иянь слегка округлил глаза, безмолвно застыв, а придя в себя от изумления, покачал головой.

— Прости... ты заслуживаешь кого-то лучше.

...

Цзянь Имын просматривала приложение и внезапно обнаружила, что содержание романа Чу Цинцы изменилось.

— Хм? — Она присмотрелась и побледнела от ужаса.

Как... почему всё изменилось?

Это же настоящая драма, полная страданий!

Раздел комментариев под главой тоже взорвался — ведь обещали же счастливый финал, почему теперь сплошные мучения?

Она в спешке вышла на связь, чтобы спросить у Чу Цинцы, что происходит.

В ответ Чу Цинцы лишь сухо бросила:

— Захотелось написать.

Просто захотелось написать драму.

На душе у Цзянь Имын стало так тяжело, что было тошно. То, что раньше читалось как лёгкая и приятная история, превратилось в нечто горькое и невыносимое.

Но спросить Чу Цинцы, что случилось на самом деле, она не могла.

Позже она вернулась в город, но обнаружила, что Цзян Ияня дома нет.

Первый день: — Абонент временно недоступен, пожалуйста, перезвоните позже...

Второй день: — Абонент выключен...

Третий день — то же самое.

Цзян Иянь пропал.

Цзянь Имын обегала всех его учителей и друзей, но никто ничего не знал.

В полном отчаянии она обратилась в полицию.

Однако все улики указывали на Чу Цинцы.

Когда она вместе с полицейскими добралась до крыши высотки, было уже поздно.

Она увидела, как Чу Цинцы и Цзян Иянь стоят у самого края, глядя друг на друга...

Только в глазах Цзян Ияня больше не было света.

— Ты будешь любить меня, — Чу Цинцы с болезненной улыбкой погладила его по лицу.

В последний момент она крепко прижала его к себе и страстно поцеловала. Слезы покатались по её щекам, и под душераздирающий крик Цзянь Имын они вместе шагнули с крыши вниз.

— Нет! Брат!

...

Цзянь Имын проснулась от кошмара, заливаясь слезами.

Сознание снова погрузилось в бездну горя.

Её сон и реальность... были одним и тем же.

Она закрыла лицо руками, и из-под ладоней вырвались глухие рыдания.

— Прости...

Если бы не она... как бы Цзянь Имянь мог погибнуть?

Его самая яркая жизнь только начиналась, у него были мечты, которые предстояло осуществить...

Всё было разрушено.

...

Прошло семь дней со дня смерти Цзянь Имяня.

Из его комнаты вышел мужчина с проседью на висках, он сидел в гостиной, молча курил, и его слегка дрожащие руки сжимали фотографию, словно он пытался подавить невыносимую боль.

В его глубоких, как омут, глазах больше не было прежней суровости и гнева, а морщины, словно высеченные резцом, стали ещё глубже.

Когда стрелки часов замерли на полуночи, он потушил сигарету и, обхватив голову руками, беззвучно заплакал.

Он никогда не давал Цзянь Имяню того, чего тот хотел, потому что ненавидел его бунтарский дух.

Он всегда думал, что если преподаст ему достаточно уроков и проявит достаточно холодности, тот одумается и пойдёт по проложенному пути, прожив спокойную жизнь.

Но он понял, что ошибался. Жизнь, которую он распланировал для сына, перед лицом смерти... не стоила ровным счётом ничего.

...

В другом пространстве Цзян Иянь молча наблюдал за всем этим.

Рядом с ним стояла девушка, которую звали Система.

— Ты хочешь продолжить эту жизнь? — спросила она.

Цзян Иянь ответил:

— Я...

Поколебавшись мгновение, он принял решение.

— Хочу, — сказал он.

Тем временем новый роман Чу Цинцы подходил к концу. Цзянь Имын была счастлива и, решив отпраздновать это событие, потащила Чу Цинцы развлекаться.

3. Дворцовая хроника (I)

Цзян Су закричала от боли: её правая рука была отсечена одним ударом. Раздались два глухих звука, и меч вонзился ей прямо в грудь, острое лезвие пронзило сердце и лёгкие.

Собрав последние силы, она расширенными глазами попыталась разглядеть нападавшего.

Высокий мужчина с холодным взглядом сжимал в руке длинный клинок, глядя на неё сверху вниз.

В тот момент, когда она уже решила, что одержала верх, сверкнувший перед глазами клинок ослепил её, а затем в запястье пронзила острая боль.

— А-а-а!

— Сяо Ли...

Цзян Су задрожала и испустила дух, так и не закрыв глаза в предсмертной муке.

Если бы не он, разве трепетали бы наложницы гарема в страхе, не зная покоя? Разве её отец и брат не сговорились бы с Цзинь-ваном, чтобы поднять мятеж, и не погибли бы такой страшной смертью!

Инь Вэй стоял неподалёку, на его лице играла улыбка, а в манящих глазах сквозило презрение, словно он только и ждал, когда она нападёт.

Цзян Су с искаженным от ярости лицом бросилась к нему, намереваясь пронзить его грудь —

Но как только судья закончил читать приговор, сверкающие на солнце мечи опустились, и кровь предателей окрасила эшафот в густой красный цвет.

...

— Бывший министр юстиции Цзян Инь, помощник начальника управления вооружений Ли

Минь, великий генерал левой гвардии Юйлинь Цзян Юй и прочие, вступив в сговор с мятежным ваном Ли Сюшэнем, тайно хранили оружие и замыслили переворот, пренебрегая императорской милостью.

— По указу императора, всех причастных казнить у ворот Фусин.

— Первый год правления Цинхэ. Император болен, все государственные дела переданы на решение императрице Инь.

— В июне того же года второй сын императора, Цзинь-ван, объединившись с мятежниками, замыслил переворот. Императрица Инь приказала великому генералу левой стражи Сяо Ли подавить восстание.

Дуннин, священная столица — Лоян.

— Казнить публично, дабы свершить правосудие.

Цзян Су никогда не думала, что этот день настанет.

Всё из-за этого проклятого человека!

Эта коварная императрица, занявшая столь высокое положение, действительно смогла втоптать их, аристократов, из облаков в самую грязную жижу...

Её глаза налились кровью. Она в безумии рвала белый шёлк, присланный служанками, отталкивала стражников и, схватив острую заколку, бросилась на Инь Вэя —

— В июле того же года Цзинь-ван был казнён.

...

Инь Вэй брезгливо махнул рукой и приказал:

— Выбросить на корм собакам.

Затем он словно что-то вспомнил, посмотрел на Сяо Ли, и на его губах заиграла двусмысленная улыбка:

— Отдайте псам генерала Сяо.

Глаза Сяо Ли потемнели.

Кто же не знал, что у Цзян Су до входа во дворец были чувства к нему? Слова Инь Вэя были не чем иным, как предупреждением.

Сяо Ли усмехнулся про себя: этот фаворит, который с помощью чар взобрался на трон императрицы, теперь даже использует их мечи, чтобы избавляться от неугодных сановников и принцев. И ведь нашёл же способ!

Длинный подол роскошного одеяния Инь Вэя, пропитанный кровью, волочился по земле, оставляя пугающий след от внутренних покоев до самого выхода.

Казалось, он шёл по костям и крови бесчисленного множества людей, чтобы достичь этой вершины власти, недоступной никому другому, и взирать на мир свысока.

Закованные в броню гвардейцы по обе стороны стояли с суровыми лицами.

Слуги и евнухи склонили головы, дрожа от ужаса.

— 15-го числа наследный принц Цзин был низложен, на его место провозглашён принц Хун, сын императрицы Инь.

— Император тяжело болен, императрица Инь правит государством, её власть равна императорской. Сановники молчат, цензоры не смеют указывать на её ошибки, каждый боится за свою жизнь.

...

Семьи преступников были лишены статуса и сосланы на юг, на каторгу; те, кому не исполнилось шестнадцати, стали рабами, слугами, куртизанками и мальчиками для утех.

Сын бывшего министра юстиции Цзян Инь — Цзян Юнь — был продан в мужской бордель Янчжоу Мэн.

Дочь бывшего министра юстиции Цзян Инь — Цзян Вань — была отправлена в женский притон Маньюаньчунь.

Среди общего плача Цзян Юнь крепко прижимал к себе дрожащую Цзян Вань и, склонившись перед Сяо Ли, начал бить поклоны.

— Умоляю вас... не позволяйте ей туда попасть, она ещё такая маленькая... — Лоб Цзян Юня был разбит в кровь, слёзы текли по лицу, пока он продолжал умолять, — Я сделаю всё, что вы попросите, только не давайте ей принимать клиентов...

Цзян Вань было всего двенадцать, она была любимицей всей семьи, девочкой, которая не знала забот, как она могла вынести подобное осквернение...

Янчжоу Мэн и Маньюаньчунь принадлежали Сяо Ли, если бы он только проявил милосердие...

Сяо Ли присел на корточки и грубо схватил его за подбородок, заставляя поднять голову.

Он внимательно разглядывал его, словно товар на продажу, и в его глубоких чёрных глазах не было ни капли сочувствия.

— Прошу вас... — плечи Цзян Юня дрожали, его прежняя гордость и достоинство исчезли, превратив его в жалкое зрелище.

Сяо Ли наклонился к нему и прошептал низким, хриплым голосом слова, которые не оставляли надежды:

— Воля императрицы закон. Даже для меня.

Зрачки Цзян Юня сузились, в них на мгновение погасла жизнь.

...

Пришли люди из Маньюаньчунь и силой вырвали Цзян Вань из его объятий.

— Брат! — кричала Цзян Вань, отчаянно пытаясь ухватиться за него.

Её утаскивали всё дальше, пока не затащили в карету, и она исчезла из виду.

— Отпустите её... молю вас... — Цзян Юнь кричал до хрипоты, но Сяо Ли крепко держал его, не давая пошевелиться.

Какое отчаяние... отец и братья мертвы, сестра убита во дворце, родные сосланы... и даже он с младшей сестрой отправлены в бордели.

Он ненавидел собственную слабость и жестокость правителей...

Глаза Цзян Юня налились кровью, ненависть готова была вырваться наружу.

— Инь Вэй!

— Я клянусь, ты пожалеешь, что родился на свет!

...

Раздался глухой удар — Сяо Ли приказал опечатать ворота поместья клана Цзян.

Он сам отвёз Цзян Юня в Янчжоу Мэн, где их встретил управляющий Хуа Инсю.

— Генерал, — почтительно поклонился он.

Сяо Ли кивнул:

— Отправь его в Юйсы на обучение. Сделай так, чтобы у цензоров не было повода для доносов.

— Слушаюсь, — Хуа Инсю помедлил и спросил, — А что насчёт третьего принца?

Сяо Ли потёр виски и махнул рукой:

— Если уж он не может себя контролировать, пусть забирает Цзян Юня и развлекается!

Чем больше унижены Цзян Юнь и Цзян Вань, тем очевиднее верность семьи Сяо правителю...

После падения Цзинь-вана Инь Вэй наверняка продолжит ослаблять влияние клана Ли и аристократии.

Разве не для того он продвигает людей в Юйшитай, чтобы следить за такими, как они?

Наследник сменился, жестокие чиновники творят произвол, а чиновники боятся подать голос. Где уж тут говорить о справедливости?

Мать третьего принца, наложница Сяо, была его родной сестрой, и только благодаря её терпению во дворце им удавалось хоть как-то выживать.

Подумав об этом, Сяо Ли добавил:

— Скажи ему, пусть поосторожнее, не загубит человека.

Хуа Инсю склонил голову в знак согласия.

Сяо Ли поправил наручи, собираясь уходить, но вдруг вспомнил кое-что важное.

Хуа Инсю поднял взгляд, ожидая распоряжений.

Когда зашла речь о втором сыне клана Цзянь, который должен был прийти вместе с третьим принцем, голос Сяо Ли смягчился.

...

В Янчжоу Мэн, помимо главного здания, было ещё четыре корпуса, называемых «Сы», каждый из которых отвечал за свои задачи.

После того как Цзян Юнь привёл себя в порядок, его отправили в Юйсы.

Как следует из названия, здесь обучали искусству обольщения.

Цзян Юнь закусил губу, сжав кулаки, тело его дрожало.

Кто бы мог подумать, что он, всегда гордившийся своей чистотой, будет учиться этому низкому искусству, чтобы ублажать других.

— Ну, чего же не заходишь? — раздался за спиной вкрадчивый смех.

Цзян Юнь обернулся и увидел высокого мужчину с женственными чертами лица.

Слуги поспешно склонились:

— Господин.

— Свободны, — Хуа Инсю отослал их, намереваясь лично заняться обучением.

Цзян Юнь нахмурился, чувствуя отвращение к его насмешливому взгляду.

Хуа Инсю улыбнулся и, наклонившись, обдал его ухо горячим дыханием, словно дразня.

Но его слова были полны злобы:

— Третий принц лично выбрал тебя, так что старайся. Иначе... твоё нежное тело не вынесет страданий.

Цзян Юнь расширил глаза от гнева.

Ещё когда клан Цзян процветал, этот распутный третий принц заглядывался на него.

Теперь, когда он пал, Сяо Ли хочет отдать его этому никчёмному принцу!

Хуа Инсю толкнул его в комнату, где на столах лежали книги с постыдными картинками.

Самолюбие Цзян Юня было растоптано. Он пытался успокоить своё разбитое сердце, надеясь найти силы в этой безнадёжной ситуации.

Он должен отомстить... должен вытащить Цзян Вань из этой грязи, вернуть ей прежнюю жизнь.

Даже если придётся терпеть невыносимую боль, он выдержит.

Цзян Юнь закрыл глаза, его взгляд прояснился.

Завтра в час Петуха состоится частный пир третьего принца, куда приглашены только его доверенные лица из знатных семей.

Хуа Инсю положил перед ним список имён:

— Запомни их, чтобы не допустить оплошности.

Для Цзян Юня это было несложно... хотя он редко общался с окружением принца, он видел многих из них на охотах или в академии.

Он внимательно просмотрел список. Имена были записаны в соответствии с рангом их семей.

Четверо из них были выше пятого ранга:

Второй сын герцога Муронг — Муронг Минь.

Сын министра общественных работ — Цзян Иянь.

Сын генерала Юйлинь — У Чун.

Сын помощника главы Далисы — Цзэн Цзи.

...

Цзян Юнь нахмурился, размышляя о Муронг Мине и Цзян Ияне.

Муронг Минь был ровесником принца, его доверенным лицом и любимым сыном герцога Нин.

Не только красив, но и умён, начитан, а в боевых искусствах был лучшим среди них... Его слава была велика, и он, несомненно, станет правой рукой этого дурака-принца.

Взгляд Цзян Юня скользнул ниже, на имя Цзян Ияня.

Цзян Иянь...

Сын министра общественных работ, племянник наложницы Сяо и Сяо Ли, двоюродный брат и компаньон третьего принца.

Хотя он был в свите принца, Цзян Юнь почти не видел его, лишь мельком издалека, запомнив как тихого и нелюдимого.

Цзян Юнь вздохнул.

Наверное, потому что он всегда презирал третьего принца, он никогда не обращал внимания на его окружение.

Надеюсь, этот человек не так отвратителен, как принц и Сяо Ли.

...

На закате следующего дня улицы Лояна озарились огнями.

Башня Генерала, Янчжоу Мэн и Маньюаньчунь стояли рядом, украшенные жемчугом и красными занавесями, сияя в свете фонарей.

Оттуда доносилась чарующая музыка, и прохожие могли почувствовать атмосферу ночных наслаждений.

Хуа Инсю приказал Цзян Юню ждать у входа в лёгкой одежде, чтобы каждый мог его видеть.

Вскоре подъехали несколько богато украшенных карет.

Слуги подбострастно бросились встречать гостей.

Из первой кареты вышел человек в роскошном парчовом халате, с нефритовым поясом, украшенным драконом. Его холодный, пронзительный взгляд излучал высокомерие.

Это был третий сын императора — Ли Сюшэнь.

Цзян Юнь смотрел на него с нескрываемым отвращением.

Ли Сюшэнь заметил его ненависть, но проигнорировал, молча пройдя внутрь.

Цзян Юнь, который должен был встречать и улаживать его, оказался в неловком положении.

Его лицо побледнело. Ли Сюшэнь унизил его таким вот способом!

Хуа Инсю был занят делами и не мог ему помочь.

Другие мальчики-куртизаны с любопытством наблюдали, как он стоит в замешательстве.

Сердце Цзян Юня словно опустилось на дно океана, казалось, даже позвоночник готов был сломаться под невидимым давлением.

Муронг Минь, следовавший за принцем, взглянул на Цзян Юня, понял, что это намеренное унижение, и, помедлив, прошёл мимо, не протянув руки помощи.

Гости продолжали прибывать. Цзян Юнь уже не помнил, кто именно проходил мимо.

Он опустил голову, борясь со слезами.

Подъехала последняя карета. Юноша с бесстрастным лицом приподнял занавеску и, увидев Цзян Юня, слегка нахмурился.

Он вышел из кареты и сказал слуге:

— Введи его, не задерживай пир принца.

Даже если это унижение, он уже достаточно надеялся.

Слуга замялся, но, встретившись взглядом с юношей, почувствовал исходящую от него власть.

— Слушаюсь...

...

Цзян Юнь почувствовал, что кто-то подошёл, и поднял глаза. Перед ним стоял юноша с равнодушным выражением лица.

Лишь на мгновение Цзян Иянь задержал на нём взгляд и прошёл мимо.

Цзян Юнь почувствовал, будто его что-то ударило.

Холодное, безразличное лицо Цзян Ияня навсегда врезалось ему в память.

— Цзян... Иянь.

Он тихо прошептал это имя, смакуя каждый слог.

...

— Шестой год правления Нинхэ. Император низложил императрицу Ван и провозгласил своего фаворита Инь Вэя императрицей-мужчиной, несмотря на протесты сановников.

4. Дворцовая хроника (II)

Цзян Иянь потёр виски:

— Угомонись...

Эта девчонка была невыносима.

Система только хотела что-то сказать, как Цзян Юнь подошёл к Цзян Ияню.

Цзян Иянь: «...»

Система: «Удачное начало, миссия пойдёт как по маслу!»

Цзян Иянь: ???

Система: ???

Динь —

«Удача пришла, удача пришла к тебе~»

«Удача приносит радость и любовь~»

Цзян Юнь вздрогнул.

...

Цзян Юнь нахмурился, отстраняясь от его дыхания.

Ли Сюшэнь холодно хмыкнул и внезапно схватил его за подбородок, заставляя повернуть лицо:

— Ты бы хоть посмотрел, в каком положении находишься...

Он действительно отличался от других: не обнимал куртизанок, не пил и не болтал с остальными, а просто сидел, подперев голову рукой, изредка пригубливая вино, съедая кусочек фрукта и с холодным, отстранённым видом наблюдая за песнями и танцами.

Цзян Юнь невольно засмотрелся на него, не в силах оторвать взгляд, но из-за того, кто сидел рядом, старался украдкой наблюдать за ним.

<http://bllate.org/book/21581/2223642>